Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/13

Колониальная Кения: вопросы идентичности

Григорий Алексеевич Карпов

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия, gkarpov86@mail.ru

Аннотация. Материал посвящен изучению проблематики зарождения и развития идентичности местного населения Кении колониальной эпохи. Выявлено лидирующее влияние британских властей в процессе формирования и распространения самовосприятия коренных кенийцев на основе племени, языковой и территориальной принадлежности. Установлено, что важная роль в возникновении и укреплении идентификации кенийцев принадлежала миссионерским структурам. Христианство служит важнейшим фактором сохранения традиций и обычаев исторической родины среди кенийских диаспор за рубежом.

Ключевые слова: Кения, Великобритания, идентичность, самовосприятие, колониализм

Для цитирования: Карпов Г.А. Колониальная Кения: вопросы идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 97–103. doi: 10.17223/19988613/95/13

Original article

Colonial Kenya: Identity issues

Grigory A. Karpov

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gkarpov86@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of development of the the indigenous population identity in Kenya during the colonial era. The object of the study is self-perception of Kenyans during the reign of the British Empire. The subject of the study is transformation, under the influence of colonizers, of the tribal and group identification of local residents into an identity based on a tribe, later on a nationality. Special attention is paid to the activities of missionaries in the spread of Christianity, as the most important aspect of Kenyan identity. Using the example of the Luo people, the positive aspects of the introduction of the European vision of identity are demonstrated.

The Kenyans' identitarian ideas were archaic, but not primitive, at the time of the arrival of the colonizers. The social structure of each particular community could be at a different level of development. The same person could belong to several groups at the same time, his status, rights and duties varied depending on the internal hierarchy of each community. The imperial authorities did not immerse themselves in the nuances of the social organization of the indigenous Kenyans and settled on the tribal stratum as a basic element. Tribes, and later peoples, could be managed more efficiently and easier. The transfer of the concept of tribal identity to property and land relations laid the foundations for numerous local conflicts and tensions during the period of independence.

The consolidation and formation of large supranational structures – nationalities and ethnicities – has been a positive result of the planting of a European understanding of identity for local residents. The modern identity of Kenyans is characterized by collectivism, religiosity, communal identity, family values, and clear gender behaviors. Abroad, Kenyans are doing their best to preserve and pass on the languages, traditions and cultural practices of their historical homeland to the younger generation. Their own churches and parishes emphasize the otherness of Kenyan diasporas in Western countries, strengthen self-identification, maintain a system of ideological coordinates, preventing migrants from breaking away from their historical homeland.

Keywords: Kenya, UK, identity, self-perception, colonialism

For citation: Karpov, G.A. (2025) Colonial Kenya: Identity issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 97–103. doi: 10.17223/19988613/95/13

Введение

В современном мире происходят глобальные политические, экономические и миграционные сдвиги. Мы наблюдаем перманентный рост объема информации, размывание этнических и социальных страт, бурное развитие интернет-технологий. Естественным образом трансформируется и самовосприятие людей, их идентичность на индивидуальном и групповом уровне.

Идентичность – сложный и многогранный предмет для изучения. Точной формулировки данного термина в научных кругах не существует. Применительно к нашему исследованию мы воспользуемся наиболее широким определением этого явления, а именно: идентичность – категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей [1].

В течение жизни отдельной личности и общественных групп идентичность может эволюционировать, например с изменением географического положения, сферы деятельности, материального благосостояния, религиозной принадлежности и в свете других факторов. Пластичность идентичности дает основания предположить, что мы имеем дело не с данностью, а с процессом, отличающимся множественностью. В зависимости от того, что выступает основным признаком (или совокупностью таковых) идентификации, вполне могут сосуществовать друг с другом огромное количество разных идентичностей (профессиональная, семейная, региональная, религиозная, этническая, племенная, расовая, национальная и пр.). На неустойчивость идентичности в условиях современного глобального общества указывали английские социологи Энтони Гидденс и Зигмунт Бауман [2]. Самоидентичность, по словам Гидденса, воспринимается сегодня в качестве незавершенного развивающегося проекта [3].

Большой вклад в идентитарные разработки внесли российские ученые. В частности, В.С. Малахов обращал внимание на различия внутри иммигрантских групп и отсутствие в их среде единой культурной лояльности [4]. В африканистике интересны работы Т.М. Гавристовой, базирующиеся в том числе на изучении автобиографий и творчества представляющих Африку деятелей и писателей. Такое явление, как афрополитизм, она рассматривает в качестве трансконтинентальной идентичности, получившей распространение в XXI в. среди интеллектуалов африканского происхождения по всему миру [5].

Истоки же обозначенного выше дискурса, на наш взгляд, следует искать в колониальном прошлом африканских стран. Тогда европейцы насаждали свои взгляды и образ жизни по всему миру, привнося не только новации, но и подчас совершенно революционные для традиционных обществ смыслы, в том числе само понятие идентичности. Даже термин «Африка» до прихода колонизаторов не существовал, да и сейчас для африканцев это, прежде всего, географическое обозначение, а не принадлежность к какому бы то ни было социуму, расовой или этнической группе.

История Кении в этом отношении весьма показательна и достаточно содержательна для раскрытия важных аспектов, относящихся к становлению и развитию идентитарных представлений коренного населения данной страны. Обращение к деталям и перипетиям взаимодействия британских властей с туземцами в части определения и самоопределения участников этого исторического процесса открывает широкую панораму эволюции кенийского общества, от традиционного родоплеменного строя до осознания самих себя племенами и народностями, исповедующими монотеистическую религию.

Светское начало

Установление господства Британской империи в Восточной Африке на рубеже XIX–XX вв. застало местное население на родоплеменном уровне. Однако архаика в этом контексте совсем не означала простоту. Социальная структура коренных кенийцев была существенно сложнее, чем это представлялось колониальной администрации, и у каждой конкретной общины она могла находиться на разном уровне развития.

К 1900 г. среди кикуйю, например, наиболее распространенной была трехчастная структура. Самым низовым звеном была группа, «мбари» (mbari), которая представляла собой нуклеарную либо расширенную семью. Несколько таких единиц, объединенных общим происхождением (ближайшие и дальние родственники) и местом проживания, составляли клан, «мохерега» (moherega). Третий элемент назывался «риика» (riika) и включал наиболее возрастных и уважаемых членов общины, которые прошли обряд инициации (обрезания) [6. Р. 587].

Один и тот же человек мог принадлежать одновременно к нескольким группам, но при этом его статус, права и обязанности варьировали в зависимости от внутренней иерархии каждой общины. Структура была гибкой, с разными уровнями сопряжения, но при этом стабильной и позволяющей выживать и развиваться. Выходцы из кикуйю первыми европейскими землепроходцами оценивались как трудолюбивые, общительные и опытные земледельцы [6. Р. 587].

Имперские власти в нюансах общественной организации коренных кенийцев обычно не погружались, остановившись на страте племени в качестве базовой составляющей. Соответственно, и представления британцев о племенной идентичности были весьма однолинейны, без учета нюансов отношений между группами на местах. Администрация не принимала туземную социальную систему, она выглядела слишком сложной, местами аморфной и в целом трудно контролируемой. Племенами, позднее – народностями, можно было управлять эффективнее (формировать административно-территориальное устройство, распределять землю, собирать налоги, осуществлять воинский призыв, бороться с эпидемиями, развивать образование и пр.), с меньшими трудозатратами.

Многие кенийцы узнали, что они принадлежат к тому или иному племени, только с приходом европейцев. Крупные надплеменные объединения (supra-tribes),

такие, например, как лухья, календжин или миджикенда, возникли и осознали себя в качестве народов и народностей только в XX в. Термин «кикуйю» поначалу очень часто отражал только определенный уровень сельскохозяйственных знаний и социального взаимодействия. Между этническими группами, которые власти относили к кикуйю, могла существовать масса различий в языке, культуре, обычаях и т.д. [7. Р. 65–68]

Конечно, такой подход порождал и неизбежные трения, проявлявшиеся, в частности, при необходимости переселить часть жителей из резерваций одного округа в другой, например из Киамбу в Меру. В этом случае новоселов вынуждали становиться теми, к кому они переезжали, а местных старейшин обязывали воспринимать новых соседей в качестве своих соплеменников. Это порождало на местах массу прямых и латентных конфликтов [7. Р. 65–68].

Закрепленное представление об идентичности поддерживало племенную (общинную) форму собственности на землю, весьма замедляя развитие товарно-денежных отношений и частной инициативы в сельской глубинке. Перераспределение высокопродуктивных угодий в интересах европейцев формировало в резервациях кенийских племен перманентное демографическое давление. Например, к 1914 г. приблизительно 1 тыс. белых землевладельцев владела 17 тыс. кв. миль земли, реально используя в хозяйственных целях не более 12% от этой площади, остальные территории были объектом спекуляций. Между тем к началу 1930-х гг. численность только кикуйю превысила 400 тыс. человек, плотность их расселения в резервациях достигала 283 человек на кв. милю с ежегодным естественным приростом в 2,5% [7. Р. 72–73].

Впрочем, не приходится говорить о сугубо односторонней насильственной составляющей процесса развития идентичности у коренного населения Кении. Для местных жителей это был шанс сформировать надродовые и надплеменные общности и организации, посредством которых можно было бы отстаивать свои интересы. По такому пути пошли, в частности, луо, истоки солидарности которых восходят к 1920-м гг., когда они начали создавать союзы на основе языковой принадлежности и территориального происхождения.

Спусковым механизмом для зарождения этнической идентичности луо послужила миграция. В начале XX в. земельная и фискальная политика вынудила их искать заработок и лучшую долю за пределами традиционного ареала проживания (провинции Ньянза). Данная тенденция усилилась в 1940–1950-х гг., когда рабочая диаспора луо была представлена почти во всех городах колониальной Кении. К началу 1960-х гг. действовало не менее 80 различных клановых и племенных организаций луо за пределами их исторической родины, хотя вплоть до конца Второй мировой войны большая их часть себя с одноименной языковой группой не ассоциировала, предпочитая идентификацию на основе рода, клана и племени [8. Р. 53–57].

Только с ростом влияния «Союза луо» (Luo Union), зародившегося в 1920-х гг., ситуацию в этом отношении удалось переломить. Взятый курс на создание крупной организации национального масштаба, кото-

рая смогла бы объединить разрозненные группы и диаспоры в одну общину национального уровня без конфликтов с имперской администрацией, оказался успешен. Политические амбиции здесь не звучали. Доминантами были выбраны социальная ориентация, помощь и взаимовыручка по отношению к друг другу, выработка чувства общности интересов луо, что чрезвычайно импонировало колониальным властям. Более того, данный опыт британские чиновники пытались применять и к другим этническим группам Кении. Например, в 1944 г. прозвучало предложение создать аналогичное объединение и среди кипсигов [8. Р. 53–57].

Луо извлекли максимум выгоды из благожелательного отношения к ним официальных органов. В 1945 г. при «Союзе луо» была создана «Торговая корпорация луо» (Luo Thrift and Trading Corporation), своеобразный кооператив взаимопомощи, по сути – экономическое крыло организации, на базе которого велась легальная финансовая (в том числе выпуск акций) и экономическая деятельность. В том же году была принята Конституция «Союза луо», в основу которой был положен принцип «единство – сила» (Unity Is Strength, RiwuokETeko). Цели в данном документе были провозглашены исключительно «травоядные»: развивать взаимопонимание и единство среди народа луо, изучать свои обычаи и традиции, проверяя их на совместимость с прогрессом, сотрудничать с властями, предоставлять независимое мнение и пр. [8. Р. 57–59]

«Союз луо» внес бесценный вклад в развитие идентичности данной народности. Были сформированы полноценные социальные сети и сообщества по всей стране. Кварталы «маленький Кисуму» (little Kisumu) стали неотъемлемым атрибутом всех крупных поселений Кении. Члены данной организации принимали активное участие в работе с соплеменниками по профилактике социальных проблем (алкоголь, преступность, проституция). Практиковалась даже репатриация отличившихся наиболее вызывающим поведением членов общины на историческую родину, прежде всего это касалось «злых» (wicked) и «своенравных» (wayward) женщин [8. Р. 60–65].

В 1956 г. «Союз луо» выпустил целый меморандум, посвященный жизни сообщества в Момбасе – «Поддержание прогресса общины луо в надлежащем порядке» (The maintenance of progress for the Luo Community in the Proper Manner), где была зафиксирована инициатива по выселению из города всех незамужних и пребывающих без сопровождения и письменного разрешения местного отделения организации женщин.

За влияние среди соплеменников с «Союзом луо» не без успеха конкурировало другое общественное объединение, «Африканская благотворительная организация Рамоги» (Ramogi African Welfare Association), возникшая на основе одноименного и весьма популярного печатного издания из Найроби. С конца 1940-х гг. она принимала активное участие в поддержании порядка. Главным инструментом данной структуры была пропаганда, активное публичное обсуждение самого разнообразного круга вопросов и проблем (брак, язык, семья, политика и пр.) [8. Р. 60–65].

Опора британских властей на племенную идентичность позволяла управлять весьма разнообразными этническими группами на огромной и практически неосвоенной территории. Для местного населения данный подход был новаторским, его внедрение (особенно трансфер на имущественные и территориальные отношения) не всегда проходило гладко и заложило множество подспудных проблем на будущее. Однако были и положительные моменты, относящиеся к консолидации прежде разрозненных общин и формированию крупных этносоциальных структур. Племенное самосознание также было дополнено распространением христианства, когда к объединяющим факторам, помимо языка и происхождения, добавилась монотеистическая религия.

Влияние религии

Миссионерские организации (различные течения протестантизма) начали в Кении работать с туземным населением на несколько лет раньше официальных властей. Одна из первых христианских организаций на восточноафриканском побережье, «Африканская внутренняя миссия» (Africa Inland Mission), например, была основана еще в 1895 г. [9. Р. 56] С 1913 г. активно действовал «Национальный совет кенийских церквей» (National Council of Churches of Kenya), координирующий орган протестантских церквей в данном регионе [10]. Миссионеры открывали школы, больницы, занимались распространением сельскохозяйственных технологий, очень часто выступали как проводники интересов кенийцев во взаимоотношениях с администрацией и локальной номенклатурой в лице вождей [11. Р. 380–383].

Роль протестантов в развитии кенийской идентичности трудно переоценить. Привнесенная ими религиозная модель успешно укоренилась на местной почве и дала своеобразные, уже во многом именно африканские, «побеги» в виде собственных течений христианства. В частности, в 1920-х гг. возникла «Кенийская независимая церковь» (Kenyan Independent Church), известная также как «Церковь Святого Духа» (Holy Spirit Church). Ее основатель Альфайо Одонго Манго (Alfayo Odongo Mango) был одним из первых луо, кто получил образование в миссионерской школе (в 1913 г.). Он в 1927 г. был назначен дьяконом и пользовался среди соплеменников огромным авторитетом. В начале 1930-х гг. руководители данной организации заняли антиколониальные позиции, практикуя пение гимнов, культ одержимости, медиумизм, исцеление верой, транс и пророчества о конце господства европейцев в Кении и распространении истинного африканского христианства [12. Р. 395–401].

О том, насколько быстрым и глубоким было проникновение миссионеров на местах, можно судить на примере деятельности американских квакеров в Западной Кении среди народности лухья (в ее отношении используется также термин «абалуя»). Первую станцию трое членов «Общества друзей» основали в месте под названием Камойси (Kaimosi) в 1903 г. Первоначально целевая аудитория была ограничена только четырьмя (из семнадцати) региональными

группами абалуя – мараголи (Maragoli), идахо (Idakho), исуха (Isukha) и тирики (Tiriki). Квакеры практически сразу обозначили их в качестве «южных абалуя» (Southern Abaluyia), запустив процесс формирования самоидентификации. За первые годы работы кроме штаб-квартиры было открыто еще две станции – в Вихиге (Vihiga) и Лиханде (Lirhanda) [13. Р. 273–274].

К 1910 г. квакеры открыли пять школ, где обучались не менее 200 абалуя. Местное население познакомилось с английским языком и базовыми техническими решениями, на племенном уровне распространялась идея о том, что колонизация – это благо, а с европейцами возможен пусть и неравноправный, но все-таки политический альянс. К 1916 г. количество школ выросло до 42, а учеников – до 3 тыс. В 1919 г., когда численность неофитов-абалуя среди квакеров достигла 1 тыс. человек, при всемерной поддержке американских братьев по вере из пяти местных религиозных общин была создана полноценная местная самостоятельная церковь. И уже в следующем году началось возвратное движение квакеров из числа африканцев в родные места, они начали создавать «христианские деревни» (Christian villages) или «христианские линии» (Christian lines) за пределами миссионерских миссий среди своих соплеменников [13. Р. 275–276]. Уже к 1930-м гг. можно говорить о заметном распространении среди этой совокупности родоплеменных образований самоидентификации под общим для них названием.

Протестанты внесли неоценимый вклад в пропаганду различных видов спорта, прежде всего схожих по физической нагрузке с традиционным для кенийцев времяпрепровождением (охота, скотоводство, танцы, метание копий и др.). И если за рубежом известны в основном кенийские бегуны и легкоатлеты, то внутри Кении, безусловно, самым популярным видом спорта был и остается футбол. Его развитие также способствовало консолидации этнических групп, которые, как правило, имеют множество своих футбольных клубов и команд. Возникновение профессионального футбола в Восточной Африке принято связывать с созданием в 1923 г. «Арабской и Африканской спортивной ассоциации» (Arab and African Sports Association). С 1940-х гг. кенийцы в составе национальной сборной могли гордиться несколькими выдающимися игроками [14].

В итоге христианство стало одним из столпов кенийской идентичности, особенно важным при эмиграции из страны. Например, большинство (до 90%) выходцев из Кении в Великобритании считают себя христианами. В ходе опроса 2010 г. 86% кенийцев-христиан отметили, что религия занимает в их жизни очень важное место, не менее 80% респондентов посещают церковь как минимум один раз в неделю. Особой популярностью в кенийской диаспоре пользуются церкви пятидесятников. В Великобритании насчитывается несколько десятков кенийских пятидесятнических церквей, их количество и численность прихожан постоянно увеличиваются [15]. В Кении пятидесятничество не так заметно, там преобладают другие направления христианства (католицизм, англиканство,

пресвитерианство и методизм, получившие распространение еще с конца XIX в.) [16].

Кенийские церкви самостоятельны и формируют так называемое «Черное христианство» (Black Christianity), известное также под более нейтральным названием «независимые» (Black Independent Churches). В основных постулатах эти организации опираются на каноны европейских единоверцев, но по составу руководителей, проповедников и паствы это, конечно, африканцы. Форма отправления культа, внутриобщинная жизнь, даже проповеди имеют очевидные отличия от европейских церквей [17].

Постколониальное эхо

После распада Британской империи вопрос идентичности для кенийцев был и остается одним из основополагающих вопросов мировоззрения. Широкий резонанс в этой связи приобрело творчество известного кенийского писателя Нгуги Ва Тхионго. По его мнению, реальная история Кении доколониального и колониального периодов была намеренно искажена профессиональными историками в угоду западным стандартам и по канонам европейского мировоззрения. Четыре тематических направления характеризуют воссоздание Нгуги правдивой истории его родины: мирное прошлое до прихода европейцев, фиксирование несправедливостей колониализма, славная борьба местного населения за независимость, предательство интересов простых людей на фоне безусловной жизнестойкости кенийцев. Главной добродетелью в традиционном африканском обществе этот автор видит общую ответственность на землю, покушения пришельцев с Запада на эту святыню спровоцировали конфликты и огромные страдания местного населения [18].

Заметным проявлением становления кенийской идентичности стала кампания по сносу памятников колониальной эпохи. Они символизировали господство Британской империи, утверждая неразрывную связь с метрополией, были одним из символов внешней непререкаемой власти. Всего в Кении существовало три вида мемориалов, которые были посвящены, соответственно, британским монархам, двум мировым войнам и европейским поселенцам. Вопрос о будущем этих объектов культурного наследия был поднят приблизительно за полгода до «ухуру» (uhuru, т.е. свобода), фактического провозглашения независимости страны 12 декабря 1963 г. Дж. Кениата (премьер-министр с июня 1963 г.) выразил мнение, что абсолютное большинство памятников обезличены и довольно скромны по исполнению, что, однако, не помешало уничтожению сотен монументов [19. Р. 45–47].

Сносу подверглась, в частности, статуя лорда Деламера, установленная в 1946 г. Для европейских поселенцев это был герой-первопроходец, один из зачинателей сельского хозяйства страны. Для кенийцев данный английский аристократ олицетворял всю несправедливость колониального режима. 6 ноября 1963 г. с согласия сына лорда и при содействии городского совета Найроби данный памятник под одобрительные возгласы собравшейся толпы был демонтирован [19. Р. 48–56].

Сложные времена настали с уходом колонизаторов у когда-то достаточно лояльных к ним народностей, в том числе луо. К 1953 г. представительства «Союза луо» действовали практически во всех регионах колонии и за ее пределами. Они пользовались всемерной поддержкой властей, были подчеркнута аполитичны и оправдали ожидания колониальной администрации, осудив восстание мау-мау. Многие луо занимали официальные посты в местных органах власти. Чрезвычайное положение в городах давало все основания для выселения из них представителей других народностей (кикуйю, меру, эмбу), подозреваемых в симпатиях к мау-мау, чем не преминули воспользоваться лидеры луо.

После обретения независимости Кении эта проколониальная активность еще долго ставилась в вину «Союзу луо», который с середины 1960-х гг. фактически находился в оппозиции к действующему политическому режиму. Президент Мои в 1980 г. указом о запрете этнических объединений в стране фактически свел к нулю всю общественно-политическую деятельность данного объединения. На плаву остались только благотворительная и спортивная составляющие – футбольные клубы, культурные центры, танцевальные конкурсы и т.п. После 1980 г. «Союз луо» не исчез, он трансформировался в различного рода тематические клубы и объединения (образовательные, благотворительные и др.) [8. Р. 57–68].

В религиозной сфере также наблюдались интересные коллизии. Европейские миссионеры принесли христианство, активно насаждали его среди кенийцев, по мере возможностей обучая и вовлекая в свои организации, в том числе на руководящие посты, кадры из числа африканцев. Однако за столь короткий промежуток времени (несколько десятилетий, с конца XIX в. до середины XX в.) племенные культы и веками складывающиеся обрядовые практики полностью вытеснены не были, они органично вплетались в религиозную практику. Миссионеры в этом отношении проявляли удивительную гибкость, охотно шли на сотрудничество и компромиссы.

Кенийские христианские течения порой демонстрировали совершенно невообразимый сплав библейских постулатов и местных духовных практик. Заимствовал у европейцев столь эффективный организационный инструмент, как церковная иерархия и система приходов вкуче с представлениями о субординации, дисциплине и авторитете, туземцы не преминули использовать эти религиозные течения, которые они уже начали считать собственными, в антиколониальной борьбе, по факту десекуляризовав их. По разным подсчетам в целом в Африке насчитывается до 7 тыс. независимых самоуправляющихся церквей, в Кении около 200–300 [12. Р. 394].

Яркие проявления самосознания, как правило, возможны в инокультурном окружении. Массовая миграция из Африки в страны Запада во второй половине XX – начале XXI в. дала возможность закрепить идентичность африканцев уже в рамках диаспоры, которая выступает как развивающий фактор «стратегии выживания», дающий возможность выехать из Африки и устроиться в другой стране. Влияние диаспоры выходит за пределы культурно-религиозных коммуникаций

и охватывает политические институты, сетевые связи мигрантов (внутри и вне своих сообществ), бизнес-структуры, финансовые сервисы и взаимодействие с исторической родиной. Африканцы в рамках диаспоры не свободны в определении своей идентичности [20].

Символично также то, что именно в новейшее время для кенийцев за рубежом стало актуальным «общинное воспитание» (community parenting). Традиционная расширенная семья в условиях западного общества способствовала возникновению данной поведенческой парадигмы, при которой ответственность за воспитание подрастающего поколения, а также заботу о социально незащищенных слоях населения берут на себя (помимо прямых родственников) члены общественных и благотворительных организаций диаспоры. Объединения подобного рода оказывают социальную и материальную поддержку соплеменникам, принимают участие в сохранении идентичности, традиций и норм исторической родины [21].

Заключение

Идентичность – это многофакторный процесс, определяющий самовосприятие отдельных людей и социальных групп, расхождения между ними и тождественность друг другу. Данному явлению присущи полимерность и гибкость. Человек одновременно способен идентифицировать себя с семьей, городом, профессией, страной, религией и т.п. С течением времени, в результате конфликтов, миграции или под влиянием других внешних факторов идентичность может трансформироваться, укрепляться или ослабевать.

К началу колониального периода на территории Кении проживало множество этнических групп, обладавших самовосприятием различного уровня – семейным, групповым, родовым, языковым и пр. Британские власти не занимались систематическим изучением всех аспектов самосознания туземного населения. Разнообразие взаимоотношений среди местных жителей, огромная территория, нехватка ресурсов, наличие более утилитарных и первостепенных задач обусловили низкий уровень интереса и, как следствие, приоритета для таких исследований.

Задача эффективного управления колонией при перманентном дефиците кадров в условиях фактически отсутствующей инфраструктуры предопределила обращение администрации к племенной идентичности. Вычленив племя из сложной совокупности больших семей, родов и групп в качестве основной локальной единицы кенийского населения, идентичность на ее основе власти внедряли принудительно и повсеместно. Распространение данного видения идентичности кенийцев на имущественные и территориальные отношения заложило фундамент для множества локальных конфликтов в постколониальную эпоху.

Положительным итогом насаждения европейского понимания идентичности для местных жителей стали консолидация и образование крупных надплеменных структур на основе региона происхождения и языковой группы – кикуйю, луо и др. Привнесенное миссионерами христианство породило в Кении сеть местных самостоятельных церквей, цементировавших самосознание туземцев в качестве носителей мировой монотеистической религии.

Для современной идентичности кенийцев характерны коллективизм, религиозность, общинное самосознание, семейные ценности, четкие гендерные модели поведения. За рубежом выходцы из Кении стараются всемерно сохранять и передавать подрастающему поколению языки, традиции и культурные практики исторической родины. Собственные церкви и приходы подчеркивают инакость кенийских диаспор в западных странах, укрепляют самоидентификацию, поддерживают систему мировоззренческих координат, не давая мигрантам оторваться от исторической родины.

Дальнейшее развитие, вероятно, идет в направлении формирования национальной идентичности – кенийской. Этому может помешать усиление в период независимости трайбализма и ориентации на интересы именно своего племени и народности, что пока не дает надежд на снятие перманентного внутреннего напряжения между этносами страны. Вероятно, для перехода на следующий уровень самосознания потребуются внешняя сила, сопоставимая по возможностям с Британской империей рубежа XIX–XX вв.

Список источников

1. Идентичность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина М. : Мысль., 2001. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/603/identichnost.htm> (дата обращения: 30.06.2024).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
3. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991. 256 p.
4. Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация? // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 281–301.
5. Гавристова Т.М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. 2017. № 2. С. 159–172.
6. Kiragu S. Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gikūyū of Kenya // Sex Education: Sexuality, Society and Learning. 2013. Vol. 13 (5). P. 585–596.
7. Parsons T. Being Kikuyu in Meru: Challenging the Tribal Geography of Colonial Kenya // The Journal of African History. 2012. Vol. 53 (1). P. 65–86.
8. Carotenuto M. Riwook E Teko: Cultivating Identity in Colonial and Postcolonial Kenya // Africa Today. 2006. Vol. 53 (2). P. 53–73.
9. Mufaka K. Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960 // International Review of Scottish Studies. 2003. Vol. 3. P. 47–87.
10. UK Parliament. Colonial Policy in Relation to Coloured Races. Vol. 233: Debated on Wednesday 11 December 1929. Columns 601–603. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1929-12-11/debates/faq8e1ff-9fb8-4e1e-be35-cab9f7078732/ColonialPolicyInRelationToColouredRaces> (accessed: 30.06.2024).
11. Wamagatta E.N. British Administration and the Chiefs' Tyranny in Early Colonial Kenya. A Case Study of the First Generation of Chiefs from Kiambu District, 1895–1920 // Journal of Asian and African Studies. 2009. Vol. 44 (4). P. 371–388.
12. Hoehler-Fatton C. Founders and Foundresses: Revising the History of a Kenyan Independent Church // Religion. 1998. № 28. P. 393–404.
13. Kay S. African roles, responses and initiatives in colonial education: the case of Western Kenya // Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education. 1976. Vol. 16 (2). P. 272–293.

14. Simiyu Njororai W.W. Colonial legacy, minorities and association football in Kenya // *Soccer & Society*. 2009. Vol. 10 (1). P. 866–882.
15. Fesenmyer L. African-initiated Pentecostal churches are on the rise in the UK – what role do they seek to play in wider society? // *LSE Religion and Global Society*. 2016. Nov. 23. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/religionglobalsociety/2016/11/african-initiated-pentecostal-churches-are-on-the-rise-in-the-uk-what-role-do-they-seek-to-play-in-wider-society> (accessed: 30.06.2024).
16. Kenyan Pentecostals in London: Reflections on religion and migration // *COMPAS Communication*. 2014. Sept. 09. URL: <https://www.compas.ox.ac.uk/2014/kenyan-pentecostals-in-london-reflections-on-religion-and-migration> (accessed: 01.07.2024).
17. Kalilombe P. Black Christianity in Britain // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20 (2). P. 306–323.
18. Ogude J.A. Ngugi's Concept of History and the Post-Colonial Discourses in Kenya // *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines*. 1997. Vol. 31 (1). P. 86–91.
19. Larsen L. Re-placing imperial landscapes: colonial monuments and the transition to independence in Kenya // *Journal of Historical Geography*. 2012. № 38. P. 45–56.
20. Mohan G., Zack-Williams A.B. Globalisation from below: Conceptualising the Role of the African Diasporas in Africa's Development // *Review of African Political Economy*. 2002. Vol. 29 (92). P. 211–236.
21. Reynolds T. Black to the community: an analysis of 'black' community parenting in Britain // *Community, Work & Family*. 2003. Vol. 6 (1). P. 29–45.

References

1. Stepin, V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'. [Online] Available from: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/603/identichnost.htm> (Accessed: 30th June 2024).
2. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [An Individualized Society]. Moscow: Logos.
3. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
4. Malakhov, V. (2013)) Grozit li Evrope islamizatsiya? [Is Islamization threatening Europe?]. *Otechestvennye zapiski*. 1. pp. 281–301.
5. Gavristova, T. (2017) Afropolitizm: alternativa kosmopolitizmu ili transformatsiya identichnosti [Afropolitism: an alternative to cosmopolitanism or the transformation of identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2. pp. 159–172.
6. Kiragu, S. (2013) Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gikūyū of Kenya. *Sex Education: Sexuality, Society and Learning*. 5. pp. 585–596.
7. Parsons, T. (2012) Being Kikuyu in Meru: Challenging the Tribal Geography of Colonial Kenya. *The Journal of African History*. 1. pp. 65–86.
8. Carotenuto, M. (2006) Riuruok E Teko: Cultivating Identity in Colonial and Postcolonial Kenya. *Africa Today*. 2. pp. 53–73.
9. Mufaka, K. (2003) Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960. *International Review of Scottish Studies*. 3. pp. 47–87.
10. UK Parliament. (1929) *Colonial Policy In Relation To Coloured Races*. Vol. 233. Debated on Wednesday 11 December 1929. Column 601–603. [Online] Available from: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1929-12-11/debates/faa8e1ff-9fb8-4e1e-be35-cab9f7078732/ColonialPolicyInRelationToColouredRaces> (Accessed: 1st July 2024).
11. Wamagatta, E. (2009) British Administration and the Chiefs' Tyranny in Early Colonial Kenya. A Case Study of the First Generation of Chiefs from Kiambu District, 1895–1920. *Journal of Asian and African Studies*. 4. pp. 371–388.
12. Hoehler-Fatton, C. (1998) Founders and Foundresses: Revising the History of a Kenyan Independent Church. *Religion*. 28. pp. 393–404.
13. Kay, S. (1976) African roles, responses and initiatives in colonial education: the case of Western Kenya. *Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education*. 2. pp. 272–293.
14. Simiyu Njororai, W. (2009) Colonial legacy, minorities and association football in Kenya. *Soccer & Society*. 1. pp. 866–882.
15. Fesenmyer, L. (2016) African-initiated Pentecostal churches are on the rise in the UK – what role do they seek to play in wider society? *LSE Religion and Global Society*. 23rd November. [Online] Available from: <https://blogs.lse.ac.uk/religionglobalsociety/2016/11/african-initiated-pentecostal-churches-are-on-the-rise-in-the-uk-what-role-do-they-seek-to-play-in-wider-society> (Accessed: 1st July 2024).
16. The United Kingdom. (2016) *Kenyan Pentecostals in London: Reflections on religion and migration*. *COMPAS Communications*. [Online] Available from: <https://www.compas.ox.ac.uk/2014/kenyan-pentecostals-in-london-reflections-on-religion-and-migration> (Accessed: 1st July 2024).
17. Kalilombe, P. (1997) Black Christianity in Britain. *Ethnic and Racial Studies*. 2. pp. 306–323.
18. Ogude, J. (1997) Ngugi's Concept of History and the Post-Colonial Discourses in Kenya. *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines*. 1. pp. 86–91.
19. Larsen, L. (2012) Re-placing imperial landscapes: colonial monuments and the transition to independence in Kenya. *Journal of Historical Geography*. 38. pp. 45–56.
20. Mohan, G. & Zack-Williams, A. (2002) Globalisation from below: Conceptualising the Role of the African Diasporas in Africa's Development. *Review of African Political Economy*. 92. pp. 211–236.
21. Reynolds, T. (2003) Black to the community: an analysis of 'black' community parenting in Britain. *Community, Work & Family*. 1. pp. 29–45.

Сведения об авторе:

Карпов Григорий Алексеевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: gkarpov86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Karpov Grigory A. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of the African Country of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). Email: gkarpov86@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 04.07.2024; accepted for publication 15.05.2025